

EX LIBRIS

Андрей КРЮКОВ

Поиск нужно продолжить

Наша Alma mater подготовила и выпустила хороший сборник «Ленинградская государственная консерватория в годы Великой отечественной войны: 1941 – 1945»¹. Его материалы волнуют (вряд ли нужно объяснять — почему). Он создан ради того, «чтобы протянулась нить от минувшего к настоящему, чтобы то страшное время больше не повторилось» (с. 3). «Живая память поколений скрепляет нас всех в единое целое, не дает распасться “связи времен”» (там же). Действительно, в истории человек находит опору. Владея ею, он чувствует себя не отдельной точкой-кочкой, принесенной на миг неизвестно откуда и зачем, а звеном бесконечной цепи, возникшей в незапамятные времена и уходящей в далекое будущее (можно лишь посочувствовать тому, кто не понимает этого). Что касается сборника, то «связь времен» укрепляется еще и потому, что речь идет о наших духовных родственниках, музыкантах-консерваторцах.

Книга открывается большим очерком, посвященным судьбам консерваторцев-фронтовиков, блокадников, их коллег, находившихся в эвакуации в Ташкенте. Прослежен (с широкой опорой на литературу, а также на дополнительно произведенные разыскания) ход событий на этих участках всенародного сопротивления врагу. В свой рассказ Е.А. Пономарева (автор очерка) включает мини-портреты отдельных людей, содержащие также биографические сведения о них.

Ушедшие на фронт молодые музыканты — в основном студенты — лишь начинали профессиональный путь. Некоторые уже успели себя

¹ Ленинградская государственная консерватории в годы Великой отечественной войны: 1941 – 1945. Редактор-составитель Е.А. Пономарева. — СПб., 2005.

проявить (музыковед М. Гергилевич, композиторы В. Томилин, В. Флейшман, ряд других), но большинство еще только мечтало об этом. И когда читаешь скудные строки их биографий, возникает и все громче звучит скорбная нота: «Они же почти все погибли...». Та же мысль бьется и при чтении фронтовых писем Гергилевича (письма консерваторцев составили заключительный раздел сборника). В них нет ничего необычного — он беспокоится о жене, дает ей советы, лаконично пишет о себе (8 августа 1941 года: «До последних дней я совершенно был не в состоянии думать на музыкально-ведческие темы <...>. Сейчас стал постепенно приближаться к музыке» — (с. 107). Он просит прислать книги, конверты, намекает на сгущающуюся фронтовую обстановку. Читаешь это и помнишь: в сентябре он погибнет...

Большое место во вступительном очерке посвящено осажденному Ленинграду. Речь идет об учебной, научной, военно-шефской работе консерваторцев, выделяются имена композитора и ученого Б.В. Асафьева, музыковеда А.В. Оссовского, известной певицы З.П. Лодий, молодой, быстро набиравшей популярность вокалистки Г.П. Скопы-Родионовой, других представителей музыкального искусства. Приводятся яркие эпизоды и факты их неутомимой творческой активности, не подавленной блокадой. Автор справедливо подчеркивает героизм, проявленный блокадниками, справедливо восторгается им. Все же при чтении иногда ощущается некая одноплановость и однокрасочность повествования. Блокадная музыкальная жизнь имела множество оттенков. Не все могли быть героями «с утра до вечера». Тот же Асафьев в письмах немало жаловался на тяготы быта, на невнимание к нему со стороны властей (что совершенно не соответствовало истине). Моменты отчаяния бывали у Зои Лодий. «Я погибаю, впервые в жизни мне так страшно», — писала она на исходе первой блокадной зимы². Не очень стыкуется с вступительным очерком картина консерваторского бытия, запечатленная в публикуемых впервые военных письмах Э.Э. Язовицкой. Люди были скованы не только тисками блокады. Они оставались в жестких объятиях системы, все решавшей за них. Так, когда, казалось, испытания осадой уже подходят к концу и можно будет готовиться к встрече с коллективом из Ташкента, «в верхах» приняли оскорбительное для ленинградской группы консерваторцев решение прекратить ее деятельность. Возмутился даже начальник управления по делам искусств Ленинграда Б.И. Загурский. «Нам, — писал он, — запрещают сохранить до приезда консерватории людей, которые ей же пригодятся. Неужели лучше, чтобы люди были оставлены на самих себя, без педагогической помощи. У нас нередко истинная правда идет рядом с тупостью, косностью. Говорим о сохранении кадров и тут же переводим наши добрые намерения в пустобрех»...³ Вероятно, следовало хоть как-то дать понять о подобных гранях блокадной жизни, как-то намекнуть на них.

² Музыка в дни блокады: Хроника. — СПб., 2002. С. 138.

³ Там же. С. 476.

Емкие страницы посвящены пребыванию Консерватории в Ташкенте. Читатель получает представление и о нелегком быте музыкантов, и о труднейших условиях для занятий (из-за нехватки помещений и инструментов приходилось заниматься не только днем, но и ночью), и о необходимости осваивать отнюдь не музыкальные профессии (прежде всего, на хлопковых полях). Чувство признательности к республике, приютившей у себя музыкантов, побуждало искать и находить разнообразные формы культурного просвещения местных жителей — проводились концерты, беседы, лекции, выступления агит-бригад, талантливые молодые люди становились студентами Консерватории, консерваторские композиторы осваивали национальный фольклор, претворяли его в своих сочинениях.

Приведенные цифры, множество названных имен убедительно свидетельствуют о разносторонней и масштабной деятельности эвакуированных музыкантов. Особо не выделен никто — пришлось бы писать о многих, выходя за возможные рамки объема. Краткий, но впечатляющий сюжет связан с судьбой Военно-морского факультета. В начале войны курсанты были мобилизованы, участвовали в боях, и когда поступил приказ отозвать их и направить для завершения учебы, в Ташкент прибыло лишь одиннадцать человек — около восьмидесяти погибло.

Центральную часть сборника занимают воспоминания. Вместе с разделом «Письма военных лет», они прекрасно дополняют вводный очерк, вносят живой воздух конкретности (тому же способствует и богатая подборка документальных фотографий). Авторы вспоминают о том, что происходило с ними и с их близкими, что они переживали. Большей частью воспоминания кратки, но складываясь в общую картину они впечатляют. Читатель узнает, что посланные на строительство оборонительных укреплений консерваторцы оказывались под обстрелом вражеской артиллерии и авиации, что стремительно наступавший противник подчас вынуждал спасаться бегством, что эвакуация из Ленинграда зимой 1941/42 года через Ладожское озеро была сопряжена со смертельным риском и столь же смертельно опасен был отказ от эвакуации, что стремясь спастись от гибели, люди осажденного города искали работу, где была возможность хоть как-то подкормиться, что обнажалась сущность человека, побуждая одних к самопожертвованию и толкая других на преступления, что вопреки всему не умерла тяга к любимой профессии и музыка в той или иной форме все же звучала в городе. Ее слушали в госпиталях и в воинских частях, в детских садах, в детских домах и школах, в концертных залах и по радио. Ее исполняли дети и взрослые. Едва слышный первой блокадной зимой, ее голос становился все более звучным и наконец прогремел на весь мир Седьмой симфонией Шостаковича...

В общем ряду некоторые воспоминания выделяются — то необычностью сообщаемых фактов, то подходом к поставленной цели вернуться в прошлое. Смерть была делом обычным, повседневным, житейским.

Кажется, это уже знают все, кто как-то интересовался блокадой. Тем не менее, один из эпизодов книги потрясает особо: врач, вызванный к больному сыну и отцу, осмотрев их, сказала близким: «Оба они не жильцы». И чтобы облегчить родственникам оформление похоронных документов, чтобы самой не подниматься больше в эту квартиру тут же выписала справки о кончине обоих (слава Богу, оба выжили!) (с. 82). Мемуаристы не только свидетельствуют. Некоторые стремятся анализировать происходившее. На страницах сборника мы встречаем парадоксальную на первый взгляд, но в общем справедливую мысль о том, что для сохранения города были нужны все, находившиеся в нем люди, и те, которые вели себя достойно, и те, которые так или иначе спасались и наживались за счет других. Через них появлялась жизнь. «Вот это общее присутствие людей, из которых подавляющая часть была людей нравственных, спасло наш город», — утверждает автор. И повторяет: «Само их присутствие не давало городу разрушиться, сгореть, быть разграбленным» (с. 52 – 53).

Как не удивительно, но самые объемные воспоминания написал бывший блокадный ребенок, которому к началу осады исполнилось четыре года. К лету 1942 года он уже был эвакуирован. Тем не менее пережитое с начала войны сохранилось в его цепкой памяти «с невероятной, пугающей отчетливостью, свидетельствующей, что память эта выходит за рамки естественного, дарованного и допустимого природой» (с. 63). Трудно не согласиться с этой автохарактеристикой, но, знакомясь с написанным, видишь и другое: ответственное отношение к поставленной задаче, понимание важности подобных свидетельств, стремление максимально использовать то, что затаилось в глубинах сознания и подсознания (с. 63 – 69).

И здесь, наверное, самое время сказать о том, что такое чувство ответственности должен ощущать каждый, кто прошел войну, блокаду, кого эвакуация вырвала из привычных условий жизни и унесла далеко от дома. Люди нового времени должны знать, как и что происходило в те лихие годы (напомню о «связующей нити»). Знание обогатит их, поможет ориентироваться в жизни. Следовательно... работу нужно продолжить. Вероятно, многие из тех, кто выступили на страницах сборника, могут дать более обстоятельные мемуары. Уверен, что в некоторых семьях еще хранятся письма и другие материалы военных лет, фотографии (не может быть, что музыканты — культурные люди — уничтожили их). Без сомнения ценные плоды принесет дальнейший поиск в архивах (хорошо бы, например, прояснить судьбу курсантов Военно-морского факультета).

Хочу поделиться сделанной недавно находкой. В сборнике, о котором здесь идет речь, помещен «Список погибших во время блокады Ленинграда». Он был подготовлен ряд лет назад, с тех пор не пересматривался, не уточнялся. И меня, и моих коллег по розыскам музыкантов-блокадников огорчала, в частности, строка, в которой значилось: «Астров — дирижер». И все. Не были известны даже его инициалы. Среди дел консерваторского

архива, который в большом порядке содержит Раиса Алексеевна Смольянинова, таковой не числился. Месяца два назад, совсем по другому поводу я изучал фонд Консерватории в Центральном государственном архиве литературы и искусства Санкт-Петербурга (СПб, ЦГАЛИ). Неожиданно в протоколах госэкзамена дирижерского факультета (оперно-симфоническое дирижирование) мелькнула фамилия Астрова! Я «сделал стойку». И что же оказалось?..

(продолжение следует)

К юбилею Шостаковича — новое издание отдела рукописей

Шостакович Д.Д. Песни фронтовых дорог (1941). Обработки произведений разных авторов для голоса, скрипки и виолончели / СПбГК. НМБ. Отдел рукописей; Отв. ред. Т.З. Сквирская; Текстологическая редакция, предисловие и комментарии Л.А. Миллер, Ф.В. Панченко, Т.З. Сквирской, Э.А. Фатыховой. — СПб.: Композитор, 2005. (Петербургский музыкальный архив. Вып. 6).

Многим консерваторцам памятен концерт, состоявшийся в Малом зале им. А.К. Глазунова 8 апреля 2005 года. В этом концерте, проводившемся в рамках цикла «*Отдел рукописей Петербургской консерватории представляет*», впервые в Петербурге прозвучали рукописи Д.Д. Шостаковича, хранящиеся в Отделе рукописей. Выдающиеся исполнители, профессора Консерватории народный артист России Владимир Овчарек, заслуженный артист России Иосиф Левинзон и народный артист России Георгий Селезнев с учениками его класса представили никогда не издававшиеся произведения Шостаковича: сделанные им в июле 1941 года обработки произведений различных композиторов для голоса, скрипки и виолончели. Обработки предназначались для фронтовых концертных бригад Ленинградской консерватории, обслуживавших части Красной Армии¹. Среди двадцати семи вокальных сочинений, выбранных Шостаковичем для обработок — популярные тогда песни советских композиторов: «Прощание» Дм. Покрас-

¹ Наш журнал откликнулся на этот концерт, поместив рецензию М.Г. Бялика. См.: *Musicus*. 2005. № 3.

В концерте были исполнены 14 из 27 хранящихся в консерватории обработок Шостаковича.